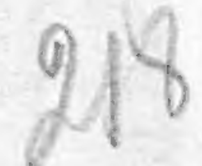
СВОБОДНОЕ ЗНАНІЕ

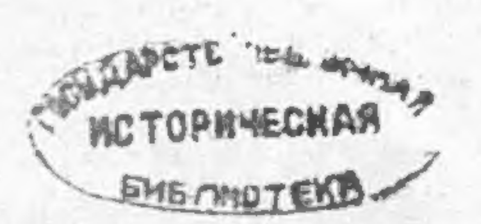
Собраніе общедоступныхъ очерковъ, статей и лекцій русскихъ ученыхъ подъ редакціею проф. Э. Д. Гримма, проф. Н. А. Котляревскаго, прив.-доц. В. Н. Сперанскаго и проф. В. М. Шимкевича.

ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ I И ЕГО ДУШЕВНАЯ ДРАМА*)

*) Публичная лекція.

ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ I.

ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ I И ЕГО ДУШЕВНАЯ ДРАМА

ИСТОРИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКІЙ ЭТЮДЪ

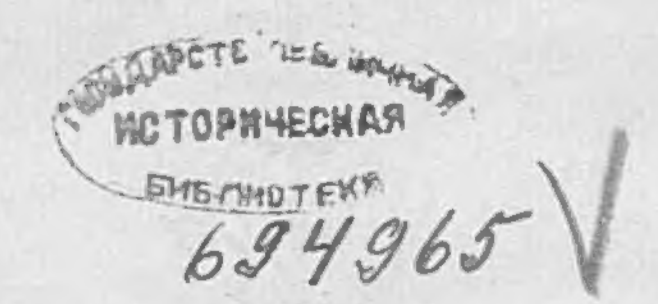
Н. Н. ѲИРСОВА,
ординарнаго профессора казанскаго университета

ИЗДАНІЕ
Т-ВА М. О. ВОЛЬФЪ
С.-ПЕТЕРБУРГЪ | МОСКВА
Гостин. Дв., 18 и Невскій, 13 | Кузн. Мостъ, 12 и Моховая, 22.
1910

Печать типографіи
Т-ва М. О. Вольфъ
С.-Петербургъ. Вас. Остр. 16 линія соб. домъ
1910

Вступительныя замѣчанія.

ПРОШЛО уже болѣе ста лѣтъ, какъ Наполеонъ и Александръ въ Тильзитѣ подѣлили вліяніе и власть надъ континентальной Европой. Первенствующее значеніе въ этомъ дѣлежѣ принадлежало императору французовъ, побѣдителю «союзниковъ» въ двухъ войнахъ съ нимъ.

«Союзниками» руководила Англія, сильный конкуррентъ Франціи въ колоніяхъ. Быстро и непомѣрно возраставшее политическое значеніе Франціи грозило большою опасностью матеріальнымъ интересамъ великой коммерческой державы, и Англія дѣлала со своей стороны все, чтобы сломить это значеніе. Австрія и Пруссія были унижены Франціей и имъ грозили отъ нея еще бо́льшія бѣды, вплоть до потери независимости; естественно, они встали противъ Наполеона. У Россіи вначалѣ, до Тильзита и Эрфурта, не было серьезной причины для борьбы съ Франціей и великимъ завоевателемъ, въ союзѣ съ названными государствами. Правда, русская внѣшняя торговля находилась въ полной зависимости отъ англійской, но этою зависимостью Россія тяготилась и въ екатери-

нинское время стремилась ее ослабить, а не усилить [1]); къ послѣднему же собственно и велъ союзъ Россіи съ Англіей при Павлѣ и Александрѣ, получавшихъ отъ властительницы морей субсидіи для борьбы съ Франціей. Субсидируя русское правительство, Англія еще болѣе субсидировала Австрію и Пруссію [2]).

Отсюда ясно, что побѣда Наполеона надъ союзниками была главнымъ образомъ побѣдой Франціи надъ Англіей. А отсюда, въ свою очередь, понятнымъ является требованіе Наполеона, чтобы и Россія приняла направленную противъ Англіи «континентальную систему». Это значило, что отнынѣ Россія должна была принять участіе въ борьбѣ Франціи съ Англіей и притомъ заплатить за это участіе собственнымъ разореніемъ, вслѣдствіе навязаннаго Россіи обязательства совершенно прекратить торговлю съ Англіей [3]).

Допущенное Наполеономъ увеличеніе русской территоріи на счетъ Пруссіи, Швеціи и Турціи не могло вознаградить Россію за то потрясающее зло, которое несла ея экономической жизни «континентальная система»: отъ этой «системы» должны были сильно пострадать и русскіе землевладѣльцы-помѣщики, и коммерсанты-экспор-

---

[1]) См. мое сочиненіе «Правительство и общество въ ихъ отношеніяхъ къ внѣшней торговлѣ Россіи въ царствованіе импер. Екат. II». Казань, 1902 г., 93—95; 332.

[2]) П. П. Мигулинъ. Русскій государственный кредитъ. Харьковъ, 1899 г., 35, 43.

[3]) Графъ Ламберъ, ратуя противъ континентальной системы, въ своемъ мнѣніи о свободѣ морей, представленномъ русскому правительству, особенно подчеркиваетъ бѣдственность этой системы для Россіи... «les pertes,—говоритъ онъ,—de la Russie serroient irréparables si état devoit durer» (отъ 2-го января 1808 г., Государств. архивъ, XIX, № 367).

теры, и слѣдовательно само русское правительство; а потому, если до принятія Александромъ «континентальной системы» Россія не имѣла достаточныхъ основаній для войны съ Наполеономъ, то послѣ принятія Александромъ этого обязательства, вреднаго для Англіи и гибельнаго для экономическихъ интересовъ Россіи, положеніе послѣдней по отношенію къ Франціи радикально измѣнилось. Россія не могла на практикѣ строго придерживаться «континентальной системы», и стало быть война сдѣлалась необходимой,—на этотъ разъ война Наполеона съ непокорной ему страной.

Послѣ 12-го года обще-европейская политическая картина мѣняется: русскій народъ и русская природа побѣдили, и русскій самодержецъ могъ явиться во главѣ западно-европейскихъ, объединившихся противъ Наполеона, политическихъ силъ. Престарѣлый Кутузовъ, закончивъ кампанію 12-го года, писалъ императору Александру: «Вашъ обѣтъ исполненъ: ни одного непріятеля не осталось въ русской землѣ; теперь остается исполнить и вторую половину обѣта—положить оружіе». Но русскій императоръ не положилъ оружія, и упорная борьба, которую вела Англія съ порожденнымъ великой революціей политическимъ преобладаніемъ Франціи, продолжалась въ Западной Европѣ безъ надобности для Россіи. Въ этотъ моментъ дѣйствовала лишь пассивная сила исторической инерціи, а активную роль сыграли эмоціи Александра, поддавшагося стихійному теченію событій. Въ этомъ смыслѣ можно согласиться съ тѣмъ, что (какъ тогда говорили) «безъ Александра не было бы войны 13-го года», слѣдовательно не было бы и капитуляціи Парижа [1]), все

[1]) Н. И. Тургеневъ, современникъ событій, стоявшій близко ко многимъ изъ нихъ, впослѣдствіи писалъ, что Александръ «était le

равно какъ безъ Наполеона не было бы капитуляціи Москвы. Москва и Парижъ это—достаточныя доказательства значенія двухъ замѣчательныхъ личностей эпохи, выдвинутыхъ на такую высоту исторической роли не столько своими дарованіями, весьма у нихъ неравными, не столько своей «волей», весьма слабой у знаменитаго соперника Наполеона, сколько самымъ ходомъ европейской исторіи... Вся централизаціонная исторія Франціи выработала во французскомъ народѣ привычку дѣйствовать по велѣніямъ высшаго правительства; эту привычку, унаслѣдовавшая отъ стараго режима центральную диктатуру великая революція, ея военные успѣхи и слава не только усилили, но и освѣтили пламенемъ шовинистскаго воодушевленія, охватившимъ въ концѣ-концовъ всѣ народы Европы и испепелившимъ имперію Наполеона Бонапарта. Вѣковая самодержавная исторія Россіи создала еще болѣе благодарную для правительства народную психику, дававшую царямъ полную возможность разсчитывать на солидарность съ верховною властью широкихъ массъ даже и не въ такой историческій моментъ, когда русскій народъ только что пережилъ непріятельское нашествіе, занятіе и пожаръ Москвы, вызвавшіе въ немъ высокій національный подъемъ и сдѣлавшіе понятнымъ ему заграничный походъ Александра. Такимъ образомъ, принимая во вниманіе положеніе Александра и быстро несшійся потокъ событій, мы должны признать, что русскому императору было уже не такъ трудно очутиться на самомъ хребтѣ волны этого потока: туда направляло

---

moteur de toutes les grandes opérations»... «Sans doute,—говоритъ онъ нѣсколько ниже,—la gloire, qui environait le czar à cette époque, et l'affection, que lui portait l'Europe, donnaient une grande autorité à ses resolutions...» (La Russie et les Russes, Paris, 1847, I, 28—29.).

его то обстоятельство, что онъ былъ самодержецъ, признанный верховный вождь народа; но это же обстоятельство и даетъ ему извѣстное право на историческое изученіе его личности, его личной психологіи. Послѣдняя и является предметомъ настоящей статьи; въ этой статьѣ читатель не найдетъ историческаго обзора царствованія Александра I, описанія его внутреннихъ и внѣшнихъ «дѣлъ», онъ найдетъ въ ней лишь анализъ и общую характеристику психики этого императора, поскольку она отразилась въ воспоминаніяхъ о немъ знавшихъ его лицъ и проявилась въ тѣхъ или другихъ событіяхъ и отношеніяхъ его личной жизни и государственной дѣятельности.

Характеристика Александра I.

I.

Императоръ Александръ I, царствованіе котораго началось при самыхъ радужныхъ, свѣтлыхъ ожиданіяхъ русскаго общества и кончилось при самыхъ мрачныхъ предчувствіяхъ его, до сихъ поръ остается въ числѣ «загадочныхъ», какъ слѣдуетъ не объясненныхъ личностей нашего прошлаго. Въ самомъ дѣлѣ Александръ I какъ бы весь состоитъ изъ противорѣчій. «Любимый внукъ» Екатерины, заявившій въ ночь на 11-е марта 1801 г., что при немъ «будетъ такъ же, какъ при бабушкѣ» [1]), и въ то же время ея страстный порицатель; ученикъ республиканца Лагарпа и другъ Аракчеева; сторонникъ конституціи и учредитель военныхъ поселеній; глава Священнаго Союза и покровитель польскаго вольнолюбія, возстановитель Польши; ревнивый централизаторъ и основатель финляндской конституціонной автономіи; самолюбивый самодержецъ, тяготившійся своимъ положеніемъ, готовый совсѣмъ оставить его и уйти въ частную жизнь;

[1]) Повторившій потомъ въ другихъ выраженіяхъ это же самое въ «манифестѣ».

большой знатокъ и жизнерадостный поклонникъ женщинъ, неотразимо обаятельный для нихъ своимъ внѣшнимъ и внутреннимъ изяществомъ, своими мягкими манерами и любезною рѣчью, «сущій прельститель» для всѣхъ,—для женщинъ и мужчинъ,—и мрачный, по временамъ суровый меланхоликъ, поступавшій и «крутенько»; искренній мистикъ, пришедшій къ убѣжденію, что все—суета, но оказавшійся неспособнымъ равнодушно перенести свѣтскую сплетню,—что будто бы у него фальшивыя икры [1]); наконецъ большой дипломатъ, принесшій на этомъ поприщѣ очень мало пользы Россіи. Вотъ приблизительно изъ какихъ чертъ слагается образъ Александра I на основаніи извѣстныхъ всѣмъ фактовъ и мемуаровъ его современниковъ. Отмѣченныя и другія противорѣчія въ настроеніи и поведеніи Александра дали поводъ изображать его, какъ весьма двуличнаго дѣятеля, какъ хладнокровнаго хитреца, привыкшаго къ такому двоедушію еще въ ту пору, когда ему приходилось балансировать между распущеннымъ дворомъ Екатерины и требовательной кордегардіей Павла. Но такое объясненіе, правда, весьма простое, мнѣ не представляется удовлетворительнымъ настолько, чтобы оно вполнѣ соотвѣтствовало такой сложной и въ то же время, какъ все сложное, хрупкой психической физіономіи, какою обладалъ интересный и нѣсколько странный соперникъ Наполеона.

Природа надѣлила Александра весьма живыми способностями, громадною воспріимчивостью, тонкимъ и проницательнымъ умомъ. Научное образованіе его было недостаточно, такъ какъ, вслѣдствіе ранней женитьбы, пре-

---

[1]) Записки сенатора Фишера, Историч. Вѣстн., 1908 г., февраль, 442.

сѣклось слишкомъ рано, и впослѣдствіи это обстоятельство несомнѣнно вреднѣйшимъ образомъ отразилось на ходѣ многихъ «дѣлъ» внутренней и внѣшней политики, въ рѣшеніи которыхъ Александру приходилось принимать личное участіе. Тѣмъ болѣе надо подчеркнуть природные дары Александра, которымъ почти исключительно онъ былъ обязанъ всѣмъ тѣмъ, чему удивлялись въ немъ современники. Другъ его юности Чарторижскій, указывая на блестящія способности Александра, «невольно спрашиваетъ себя» въ своихъ запискахъ: «что вышло бы изъ Александра, если бы первоначальное воспитаніе его было болѣе тщательно?» [1]).

Способные, талантливые люди, къ разряду которыхъ слѣдуетъ отнести любимаго внука Екатерины, обыкновенно бываютъ впечатлительны, и въ этомъ случаѣ Александръ не является исключеніемъ. Въ ранней юности душа его искренно и горячо реагировала на такія положенія, какъ положеніе побѣжденныхъ въ борьбѣ за родину, за ея независимость и свободу. Стоило только Александру познакомиться съ братьями Чарторижскими, какъ сейчасъ же онъ преисполнился къ нимъ необыкновенной симпатіи. Гуляя въ саду съ Адамомъ Чарторижскимъ и оживленно съ нимъ бесѣдуя въ теченіе 3-хъ часовъ, Александръ, тогда 18-тилѣтній юноша, облилъ своего новаго друга мягкимъ свѣтомъ самаго обворожительнаго сочувствія. «Онъ сказалъ мнѣ,—разсказываетъ Адамъ Чарторижскій,—что нисколько не раздѣляетъ воззрѣній и правилъ кабинета и двора, что онъ далеко не одобряетъ политики и образа дѣйствій своей бабки, что всѣ желанія его были за Польшу и за успѣхъ ея славной борьбы,

[1]) Русская Старина, 1906 г., іюль, 84.

что онъ оплакивалъ ея паденіе...». Говорилъ Александръ также о Костюшкѣ, котораго назвалъ «великимъ человѣкомъ по своимъ добродѣтелямъ и потому, что защищалъ дѣло правды и человѣчества». Александръ «сознался мнѣ,—сообщаетъ Чарторижскій, — что онъ ненавидитъ деспотизмъ повсюду, во всѣхъ его проявленіяхъ, что онъ любитъ свободу, на которую имѣютъ право всѣ люди, что онъ съ живымъ участіемъ слѣдилъ за французской революціей; что, осуждая ея крайности, онъ желаетъ республикѣ успѣховъ и радуется имъ» [1]). Словомъ, не будучи въ состояніи противостоять впечатлѣніямъ, нахлынувшимъ на Александра при знакомствѣ его съ представителями павшаго государства, юный великій князь сразу открылъ всю свою душу симпатичному для него польскому гостю... Молодой человѣкъ, такъ легко подпадавшій подъ вліяніе своихъ эмоцій, разумѣется не былъ обладателемъ устойчивой, крѣпкой воли [2]); а волевая слабость Александра постоянно вела его къ подчиненію тому или другому вліянію, вызывавшему обыкновенно въ немъ сильное душевное движеніе и увлекавшему его къ соотвѣтствующимъ поступкамъ... Нерѣдко въ этихъ поступкахъ Александръ противорѣчилъ самъ себѣ, что̀ навлекало на него обвиненіе въ двуличности, въ разсчитанномъ вѣроломствѣ, тогда какъ это противорѣчіе обусловливалось слишкомъ порывистою впечатлительностью и недостаткомъ воли. Это—основныя черты характера Александра I. Все дѣло историка-психолога такимъ образомъ сводится къ тому, чтобы путемъ анализа подходящихъ сюда историческихъ свѣдѣній выяснить, какія вліянія оставили во

[1]) Русская Старина, 1906 г., іюль, 75 и 76.

[2]) Ср. Dolgoroukow. La vérité sur la Russie, Paris, 1860, 215 и 216.

впечатлительной душѣ Александра наиболѣе глубокій слѣдъ и наиболѣе отразились на его взглядахъ, настроеніи и поведеніи.

Скажемъ съ самаго начала, что изъ всѣхъ вліяній, подъ дѣйствіемъ которыхъ протекали жизнь и царствованіе Александра, два—оказались особенно неизгладимыми, преобладающими. Одно было идейнаго характера и въ значительной степени обусловливалось рѣзкимъ контрастомъ между неприглядною дѣйствительностью и свѣтлою личностью учителя, какъ бы воплощавшаго въ себѣ великія освободительно-просвѣтительныя идеи. Это вліяніе дѣйствовало исподволь, медленно; но оно, проникая въ сознаніе въ юношескіе годы, закладывало въ воспріимчивомъ умѣ Александра первыя основы міровоззрѣнія. Другое вліяніе—вліяніе событія 11-го марта 1801 г., событія, разразившагося, подобно внезапно налетѣвшей грозѣ, надъ головою Александра съ такою силою, что эта голова въ первый моментъ была близка къ болѣзни и едва выдержала постигшее ее страшное испытаніе. Хотя Александръ затѣмъ и справился со слишкомъ острымъ вліяніемъ этого событія на его разумъ, однако трагическое происшествіе памятной ночи нанесло его психикѣ настолько тяжкую рану, что она давала чувствовать себя Александру въ теченіе всего царствованія. И по мѣрѣ того, какъ проходила молодость и уносила съ собой одну иллюзію за другой, все труднѣе и труднѣе становилось выносить хроническую боль застарѣлой раны... Приходили минуты, когда старая рана какъ будто-бы раскрывалась совсѣмъ: тогда душевная боль обострялась, туманила сознаніе и изъ него, казалось, совершенно исчезалъ вольнодумный идеалъ юности, но тѣмъ не менѣе и въ эти минуты внимательный наблюдатель разсмотрѣлъ

бы, что прежній идеалъ еще мерцалъ въ душѣ Александра; и дѣйствительно густое облако мистицизма, обволокшее умъ его, тотчасъ же начинало рѣдѣть, какъ только соприкасалось съ выплывавшими изъ глубины воспоминаній когда-то столь безкорыстными порывами и стремленіями... Идейныя впечатлѣнія, заложенныя Лагарпомъ, не исчезли изъ психики Александра до конца его жизни, хотя все рѣже и рѣже загорались въ его сознаніи, все долѣе и долѣе оставались въ скрытомъ состояніи... Вліяніе событія 11-го марта подъ конецъ оказалось сильнѣе идейныхъ мечтаній юности, но окончательно вытравить изъ сознанія Александра основные элементы лагарповскаго воспитанія это вліяніе не успѣло... Такъ въ теченіе всего царствованія въ душѣ Александра происходила борьба двухъ указанныхъ вліяній: 1) вліянія идейныхъ впечатлѣній воспитанія и юности и 2) вліянія тѣхъ ужасныхъ впечатлѣній, которыя породила въ немъ роковая ночь на 11-е марта. Въ этой борьбѣ и заключается трагизмъ судьбы Александра: здѣсь лежитъ и ключъ къ разгадкѣ его личности, къ объясненію многихъ противорѣчій въ жизни и дѣятельности этого императора.

Постараемся теперь на конкретныхъ данныхъ прослѣдить означенныя вліянія, ихъ борьбу и ея печальный финалъ.

II.

Воспитаніе Александра совпадаетъ съ той порой царствованія Екатерины, когда придворная атмосфера сдѣ-

лалась особенно удушливой, и управленіе пришло въ полное разстройство. Правящіе безнаказанно совершали всевозможныя злоупотребленія, а въ частности къ казеннымъ деньгамъ относились болѣе, чѣмъ развязно. Такъ, напр., осенью 1791 г. въ Петербургѣ разнеслась молва, что придворный банкиръ Сутерландъ совершенно запутался въ финансовыхъ дѣлахъ, вслѣдствіе того, что удерживалъ казенныя деньги, поступавшія къ нему для заграничныхъ переводовъ. Молва имѣла основанія. Было назначено слѣдствіе. Но Сутерландъ не сталъ дожидаться его окончанія, а самъ покончилъ съ собой самоубійствомъ. Тѣмъ не менѣе слѣдствіе обнаружило, что Сутерландъ раздавалъ казенныя деньги взаймы высокопоставленнымъ и вліятельнымъ лицамъ; кн. Потемкинъ, вел. кн. Павелъ Петровичъ, кн. Вяземскій, графъ Безбородко, графъ Остерманъ и другіе получили отъ Сутерланда до $2^1/_2$ мил. казенныхъ денегъ и тѣмъ самымъ посодѣйствовали гибели придворнаго банкира [1]). Самымъ главнымъ должникомъ оказался кн. Потемкинъ, взявшій у Сутерланда 800,000 рублей. Императрица, съ давнихъ поръ привыкшая къ вытаскиванью Потемкинымъ денегъ изъ ея шкатулки [2]), извинила долгъ своего «сотрудника» «многими надобностями по службѣ и нерѣдкими издержками» его собственныхъ денегъ и повелѣла принять этотъ его долгъ «на счетъ государственнаго казначейства», но она же очень была недовольна, что въ числѣ этихъ тайныхъ должниковъ казны состоялъ и ея сынъ Павелъ Петровичъ [3]). Вообще къ денежнымъ средствамъ госу-

---

[1]) Кобеко. Цесаревичъ Павелъ Петровичъ, 348.

[2]) Русскій дворъ сто лѣтъ тому назадъ (La cour de la Russie il y a cent ans), русск. пер., Спб., 1907 г.

[3]) Кобеко, цит. соч., 348.

дарства у большинства правящихъ было такое отношеніе, какое бываетъ у вороватыхъ приказчиковъ къ кассѣ невнимательнаго, преданнаго жизненнымъ утѣхамъ, хозяина. Это отношеніе, мнѣ кажется, весьма ярко выступаетъ предъ взоромъ историческаго бытописателя въ слѣдующемъ эпизодѣ, сообщаемомъ въ однихъ недавно опубликованныхъ мемуарахъ. Бригадиръ гр. П. А. Толстой, завѣдуя выборгскимъ комиссаріатомъ, однажды, во время пожара выборгскаго замка, съ опасностью жизни спасъ хранившіяся тамъ крупныя комиссаріатскія суммы и на другой же день представилъ ихъ «главнокомандующему», бывшему съ нимъ на самой дружеской ногѣ Что же «главнокомандующій»? Остался доволенъ и похвалилъ честнаго служаку? Нѣтъ. «Главнокомандующій»,— читаемъ въ мемуарахъ,—съ удивленіемъ посмотрѣлъ на Толстого и сказалъ съ досадой: «Ну, что бы тебѣ стоило отложить себѣ милліончикъ! Сошелъ бы за сгорѣвшій, а награду получилъ бы все ту же» [1]). Предъ нами эпоха какого-то неудержимаго разлива вельможнаго и чиновничьяго эгоизма, эпоха, когда въ глубочайшихъ и ненасытныхъ пучинахъ этого эгоизма тонули самыя насущныя нужды и пользы государства и общества... Вельможамъ и фаворитамъ Екатерины II (какъ, впрочемъ, и предшествовавшихъ временъ) очевидно не хватало тѣхъ огромныхъ средствъ, которыми ихъ награждала императрица, и имъ приходилось запускать свои жадныя руки въ неназначавшіеся для нихъ фонды или даже обращаться за субсидіями къ иностраннымъ дворамъ. По крайней мѣрѣ, цесаревичъ Павелъ Петровичъ былъ убѣ-

---

[1]) Ек. Юнге. Изъ моихъ воспоминаній. Вѣстникъ Европы, 1905 г., мартъ, 140.

жденъ. что ближайшіе сотрудники его матери были подкуплены вѣнскимъ дворомъ, и Павелъ не стѣснялся называть ихъ поименно: «это,—говорилъ онъ великому герцогу Тосканскому, — кн. Потемкинъ, секретарь императрицы Безбородко, Бакунинъ, графы Семенъ и Александръ Воронцовы и Морковъ, который теперь посланникомъ въ Голландіи. Я вамъ называю ихъ,—присовокупилъ великій князь,—потому что очень радъ, если узнаютъ, что мнѣ извѣстно, кто они такіе; и лишь только я буду имѣть власть, я ихъ высѣку, разжалую и выгоню» [1]). Павелъ былъ очень желчно настроенъ по отношенію къ дѣятелямъ и дѣятельности своей матери; но въ данномъ случаѣ онъ едва ли расходился съ подлинной жизненной правдой; въ своихъ обличеніяхъ екатерининскаго «правленія» Павелъ, будучи уже императоромъ, пошелъ значительно дальше: «я знаю, — сказалъ онъ однажды Потоцкому, — что васъ долго оскорбляли и преслѣдовали, но въ послѣднее царствованіе всѣ честные люди подверглись подобной участи, и я—первый» [2]).

Впечатлѣнія этого рода, столь яркія у отца, достигали и до сына и не могли не оказывать на «внука» знаменитой «бабушки» своего отрицательнаго вліянія...

III.

Возникало слишкомъ рѣзкое противорѣчіе. Принципы освободительной философіи, о которыхъ Александръ слы-

---

[1]) Шильдеръ. Императоръ Павелъ, его жизнь и царствованіе, 160.
[2]) Ibid., 320.

шалъ на урокахъ Лагарпа, поразительно не гармонировали съ тѣмъ, что тогда происходило въ высшемъ управленіи Россіей. Еще болѣе эти принципы вопіяли противъ того, усугубленнаго Екатериной II, соціальнаго зла— крѣпостного права, на которомъ зиждилось благосостояніе и правительственное значеніе дворянства. Самая личность Лагарпа, столь непохожая на окружавшихъ тронъ Екатерины, своимъ свѣтлымъ идеализмомъ производила обаятельное впечатлѣніе на юную, воспріимчивую душу Александра и тѣмъ лучше располагала ее къ увлеченію проповѣдуемыми идеями, столь радикально непримиримыми съ наличною дѣйствительностью.

Вліяніе личности Лагарпа на Александра, на его «умъ и сердце» было настолько значительно, что при такомъ вліяніи (какъ полагаетъ Чарторижскій) можно было бы дать способному воспитаннику болѣе серьезное научное образованіе, чѣмъ имъ полученное; но тотъ же современникъ отмѣчаетъ, что Лагарпъ «все-таки сдѣлалъ много, внушивъ Александру любовь къ человѣчеству, къ справедливости, равенству и свободѣ, и сдѣлалъ со своей стороны все возможное, чтобы предразсудки, лесть и т. под. свойственные придворной жизни недостатки не загасили въ немъ *этихъ благородныхъ принциповъ*». «Внушеніе, — продолжаетъ Чарторижскій,—и развитіе всѣхъ этихъ великодушныхъ душевныхъ качествъ русскому великому князю было заслугою Лагарпа» [1]). Самъ Александръ, по показанію того же свидѣтеля, прекрасно сознавалъ, чѣмъ онъ обязанъ Лагарпу, и при первой же бесѣдѣ съ Чарторижскимъ повѣдалъ ему о томъ «благоговѣніи», съ которымъ онъ относился къ бывшему своему

---

[1]) Русск. Старина, 1906 г., іюль, 85.

«наставнику», говоря о немъ, «какъ о человѣкѣ высокой добродѣтели, истинной мудрости, строгихъ правилъ, сильнаго характера», при чемъ пояснилъ, что этому человѣку онъ «обязанъ всѣмъ, что въ немъ есть хорошаго, всѣмъ, что онъ знаетъ», что ему «въ особенности онъ былъ обязанъ всѣми началами истины и справедливости, которыя онъ имѣетъ счастье носить въ своемъ сердцѣ» [1]).

Пусть «благородные принципы» были усвоены Александромъ лишь теоретически, но такое глубокое, искреннее чувство уваженія и любви, какое слышится въ оцѣнкѣ царственнымъ воспитанникомъ своего истиннаго воспитателя, говоритъ за серьезное, вполнѣ—то можетъ быть и непреходящее, вліяніе этихъ «принциповъ» на духовную жизнь Александра.

IV.

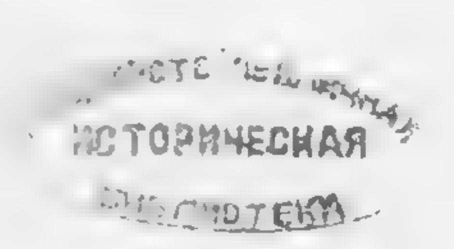
Въ юные годы Александръ беззавѣтно былъ преданъ преподаннымъ ему «благороднымъ принципамъ». Съ высоты ихъ русская дѣйствительность представлялась ему еще печальнѣе, а общество, среди котораго онъ жилъ, еще невыносимѣе... И видя, что онъ со своимъ настроеніемъ одинокъ въ придворной толпѣ, онъ считалъ себя «несчастнымъ». «Я чувствую,—писалъ Александръ въ маѣ 1796 года Кочубею,—себя несчастнымъ въ обществѣ людей, которыхъ не желалъ бы имѣть у себя и лакеями, а между тѣмъ они занимаютъ здѣсь высшія мѣста...» «Въ нашихъ дѣлахъ,—сообщалъ великій князь въ томъ

---

[1]) Ib d, 76.

же письмѣ,—господствуетъ неимовѣрный безпорядокъ, грабятъ со всѣхъ сторонъ; всѣ части управляются дурно; порядокъ, кажется, изгнанъ отовсюду, а имперія, несмотря на то, стремится лишь къ расширенію своихъ предѣловъ...» Въ умѣ Александра создавалась тяжелая коллизія между его идеями — эмоціями и представленіемъ объ «укоренившихся злоупотребленіяхъ». Чувствуя себя не въ силахъ успѣшно бороться съ послѣдними во имя первыхъ, онъ нашелъ единственный выходъ изъ получавшагося, гнетущаго его нѣжную психику, противорѣчія — отказаться отъ престола и уйти въ частную жизнь. «Мой планъ,—повѣдалъ онъ тогда же Кочубею,— состоитъ въ томъ, чтобы, по отреченіи отъ этого труднаго поприща (я не могу положительно назначить срокъ этого отреченія), поселиться съ женою на берегахъ Рейна, гдѣ буду жить спокойно частнымъ человѣкомъ, полагая мое счастье въ обществѣ друзей и въ изученіи природы». Такова психическая реакція, которая была вызвана первымъ пока лишь въ сознаніи Александра столкновеніемъ «благородныхъ принциповъ» съ извѣстными ему русскими правящими сферами: «принципы», казалось, побѣдили: Александръ рѣшилъ остаться съ ними, но безъ русскаго престола. Это было юношескимъ порывомъ, актомъ юношескаго отчаянія.

Идейное отчаяніе прошло. Со вступленіемъ на престолъ Павла Петровича о рейнскихъ берегахъ уже не было рѣчи: цесаревичу Александру улыбались и берега Невы, и онъ, по сообщенію его друга, «въ свободныя минуты отъ многочисленныхъ вахтъ-парадовъ, которымъ онъ предавался съ увлеченіемъ и съ искреннимъ желаніемъ угодить отцу», «нерѣдко,—въ интимной бесѣдѣ съ Чарторижскимъ, — продолжалъ развивать свои прежнія

идеи относительно той будущности, которую мечталъ создать для Россіи» [1]).

Не оставилъ Александръ этихъ мечтаній и со вступленіемъ своимъ на престолъ; выраженіемъ ихъ явился теперь «Негласный комитетъ» изъ единомышленниковъ молодого императора (Кочубея, Строганова, Новосильцева и Чарторижскаго), называемый Александромъ въ шутку «comité du salut public — комитетомъ общественнаго спасенія». При помощи этого «комитета» Александръ [2]) мечталъ создать новый, основанный на законѣ, порядокъ въ Россіи, при коемъ не было бы простора для «прихоти» и «самовластія», для анти-конституціонныхъ психологическихъ особенностей традиціоннаго управленія, откровенно забракованныхъ императоромъ въ рескриптѣ на имя гр. Завадовскаго.

V.

Странное зрѣлище представлялъ этотъ «комитетъ» въ Россіи начала XIX вѣка.

Подъ предсѣдательствомъ самодержавнаго монарха «комитетъ» стремился «обуздать деспотизмъ нашего правительства», спасти Россію отъ «прихоти» и «самовластія». Между тѣмъ эти факторы господствовали въ ней въ теченіе вѣковъ и создали въ томъ слоѣ, котораго они были неотъемлемою принадлежностью, соотвѣтствующія нормы жизни и привычки. При развитіи

---

[1]) «Русская Старина», 1906 г., августъ, 307.

[2]) Въ этотъ моментъ Александръ (какъ и другіе передовые люди эпохи) увлекался французской «декларяціей правъ» и англійской конституціей.

до крайнихъ предѣловъ крѣпостного права помѣщики чувствовали себя какъ бы внѣ общихъ государственныхъ законовъ. Бывало, по слѣдствію, обнаруживалось, что помѣщикъ «судитъ своихъ крестьянъ за уголовныя преступленія самъ, какъ независимый владѣтель». Помѣщики были своего рода феодалами, крупнѣйшіе изъ коихъ и свой обиходъ устраивали по образцу придворнаго—съ гофмаршалами, камеръ-юнкерами, фрейлинами; у кн. Голицина была и статсъ-дама, полная и представительная попадья; у гр. Каменскаго тоже была статсъ-дама, его фаворитка, нѣкая Курилова, которая была обязана носить на груди портретъ самого «владѣтеля»-графа... — впрочемъ, только тогда, когда графъ былъ ею доволенъ; въ противномъ случаѣ портретъ отбирался, а вмѣсто него надѣвался другой, безъ лица, съ изображеніемъ чьей-то спины, и вѣшался этотъ безличный портретъ не на груди, а на спинѣ злосчастной «статсъ-дамы». Вообще, «прихотей» въ средѣ главенствующаго, «самовластнаго» сословія было много и при томъ самыхъ разнообразныхъ. Такъ, напр., богачъ Юсуповъ любилъ приглашать своихъ пріятелей и друзей на представленіе своего крѣпостного балета великимъ постомъ, когда бездѣйствовали императорскіе театры, и на этомъ представленіи «танцовщицы,—разсказываетъ мемуаристъ-современникъ,—когда Юсуповъ давалъ извѣстный знакъ, спускали моментально свои костюмы и являлись предъ зрителями въ природномъ видѣ, что и приводило въ восторгъ стариковъ, любителей всего изящнаго...» Могли ли послѣ этого они приходить въ восторгъ отъ затѣи идейно настроеннаго императора положить конецъ господству «прихоти» и «самовластія» въ Россіи?.. Переданные и другіе факты, собранные покойнымъ академикомъ Н. Ѳ. Дубровинымъ въ его статьяхъ о «русской жизни въ на-

чалѣ XIX вѣка», могутъ служить недурной иллюстраціей дворянскаго быта той эпохи [1]).

Дворянство было вспоено и вскормлено крѣпостнымъ правомъ, сроднилось съ нимъ, было воспитано на «прихотяхъ» и «самовластіи». Могло ли это сословіе отнестись сочувственно къ освободительнымъ стремленіямъ Александра, въ числѣ которыхъ была и идея крестьянской эмансипаціи?! Весь бытъ, вся психологія дворянства разсматриваемаго времени подсказываютъ отрицательный отвѣтъ на этотъ вопросъ. И дѣйствительно, современникъ свидѣтельствуетъ, что въ эпоху «Негласнаго комитета» дворянство было «недовольно Александромъ» и что «сторонники его отца ненавидѣли молодого императора».

VI.

Положеніе его было весьма щекотливымъ.

Оказывалось, что образованный имъ «комитетъ» есть не что иное, какъ маленькій оазисъ «благородныхъ принциповъ» среди необъятной равнины господства личныхъ и сословныхъ интересовъ. Александръ живо ощущалъ тѣ затрудненія, въ которыя его ставили лелѣемые имъ преобразовательные планы: «скажу вамъ, — такъ объяснялъ онъ свое положеніе реформатора бывшему своему наставнику Лагарпу, прибывшему по царскому приглашенію въ Петербургъ, — скажу вамъ только, что болѣе всего мнѣ доставляетъ заботъ и труда согласовать частные интересы и ненависти и заставить другихъ содѣйствовать единственной и исключительной цѣли — общей пользѣ».

[1]) «Русская Старина», 1899 г.

Это откровенное замѣчаніе Александра, высказанное имъ идейно близкому и глубоко уважаемому человѣку, показываетъ, что общее несочувствіе задачамъ «Негласнаго комитета» производило на императора подавляющее впечатлѣніе, и въ концѣ-концовъ Лагарпъ, надо думать, подмѣтившій это, со своей точки зрѣнія былъ правъ, когда совѣтовалъ бывшему своему воспитаннику благоразумную умѣренность въ осуществленіи «благородныхъ принциповъ» [1]). Александръ почувствовалъ себя не въ силахъ робкій огонекъ, заблестѣвшій было среди непроглядной темноты, раздуть въ яркое пламя, и потому «эпоха Негласнаго комитета» дала Россіи неизмѣримо меньше того, о чемъ Александръ мечталъ.

Толчокъ, данный просвѣщенію, благодаря основанію въ эту пору трехъ университетовъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній и благодаря вообще покровительству Александра литературѣ, далѣе, прекращеніе раздачи крестьянъ (въ чемъ особенно рельефно сказалось вліяніе гуманнаго воспитанія Лагарпа) [2]), указъ о вольныхъ хлѣбопашцахъ (которымъ крѣпостной вопросъ отдавался на волю самихъ помѣщиковъ), нѣсколько филантропическихъ распоряженій и общихъ либеральныхъ сентенцій въ указахъ и рескриптахъ, словомъ, всѣ общеизвѣстныя «новаторскія»

---

[1]) Лагарпъ въ это время уже не былъ прежнимъ радикаломъ-якобинцемъ.

[2]) «Русскіе крестьяне, — писалъ Александръ въ 1801 году въ отвѣтъ на просьбу какого-то чиновника о пожалованіи ему имѣнія,— большею частью принадлежатъ помѣщикамъ; считаю излишнимъ доказывать униженіе и бѣдствіе такого состоянія, и потому я далъ обѣтъ не увеличивать числа этихъ несчастныхъ и принялъ за правило никому не давать въ собственность крестьянъ». В. И. Семевскій: «Пожалованія насел. имѣн. въ царств. Екатерины II», Спб. 1906 г., стр. 87.

начинанія первыхъ лѣтъ александровскаго царствованія далеко не устраняли ни «прихоти», ни «самовластія» изъ русской жизни, далеко не устанавливали въ ней свободы и справедливости. И потомъ, когда, послѣ войны съ Наполеономъ, послѣ Тильзита и Эрфурта, Александръ, желая продолжить прерванныя преобразованія, привлекъ къ нимъ уже не идейныхъ друзей своей юности, а вошедшаго въ фаворъ, выдающагося умомъ и работоспособностью петербургскаго чиновника Сперанскаго, то изъ этого предпріятія тоже ничего не вышло въ духѣ освободительныхъ идей, а вышло нѣчто, математически стройное, въ духѣ бюрократической централизаціи: Государственный Совѣтъ и Министерства... Заказанная же Сперанскому и довольно быстро имъ изготовленная русская «конституція» такъ и осталась въ числѣ неисполненныхъ, «оставленныхъ безъ послѣдствій», канцелярскихъ докладовъ, хотя творецъ ея, Сперанскій, взявъ за образецъ наполеоновскую Францію, былъ очень далекъ отъ политическаго радикализма и весьма остороженъ по части «духа» своей конституціи; этотъ реформаторъ не даромъ говорилъ, что установленія «такъ должны быть сооружены, чтобы они во мнѣніи народномъ казались дѣйствующими, но никогда не дѣйствовали бы на самомъ дѣлѣ».

Сильная дворянская партія хорошо понимала, что конституція, какая бы она ни была, несовмѣстима съ крѣпостнымъ правомъ и устами исторіографа Карамзина, представившаго Александру знаменитую «Записку о древней и новой Россіи», высказала рѣзкій протестъ противъ рѣшительныхъ преобразованій въ духѣ установленія закона и уничтоженія «прихоти» и «самовластія»,—протестъ во имя незыблемости основныхъ русскихъ началъ, доставившихъ (по мнѣнію этой партіи) мощь и величіе Россіи. Александръ

уступилъ господствовавшему сословію — дворянству, и вспыхнувшій было огонекъ освобожденія погасъ.

Между тѣмъ Александръ вовсе тутъ не хитрилъ, какъ думаютъ нѣкоторые историки, и вовсе не забылъ «прекрасныхъ», «благородныхъ» принциповъ своей молодости [1]). Они не исчезли изъ его сознанія, изъ его души. «Въ теченіе долгихъ лѣтъ,—свидѣтельствуетъ близко знавшій Александра и безпристрастно относившійся къ нему Чарторижскій,—онъ сохранилъ ихъ въ глубинѣ своей души, лелѣя и оберегая отъ посторонняго вліянія, какъ тайную страсть, которую онъ не рѣшался раскрыть передъ обществомъ, неспособнымъ понимать ее, но которая *постоянно* властвовала надъ нимъ и увлекала его, какъ только представлялась возможность ей подчиниться» [2]). Этому сообщенію надо повѣрить. Вѣдь позднѣе, послѣ побѣдоносной борьбы за освобожденіе Европы отъ Наполеона, на Вѣнскомъ конгрессѣ, вспомнилъ же Александръ о своихъ «благородныхъ принципахъ», стремясь, какъ говоритъ, напр., декабристъ баронъ Розенъ, «исправить несправедливость бабки своей по отношенію къ Польшѣ» [3]), и затѣмъ осуществилъ это желаніе въ польской хартіи 1815 г. Не предъ всякимъ значитъ обществомъ Александръ скрывалъ свои принципы даже тогда, когда настроеніе его стало быстро клониться въ сторону еще бóльшей скрытности: извѣстно, что Финляндія удостоилась отъ него подобной чести, какъ и Польша.

---

[1]) Искренность преданности Александра «благороднымъ принципамъ» несомнѣнно почувствовалъ неподкупный идеалистъ, дерптскій профессоръ физики Парротъ, беззавѣтно привязавшійся къ русскому императору и удостоенный имъ необычайнаго довѣрія.

[2]) «Русская Старина», сент., 1906 г., 523.

[3]) Записки, 54.

Стало быть, только русское общество, только Россія, о благѣ которыхъ Александръ задумывался при «бабушкѣ» и отцѣ, не внушили ему, при всемъ его желаніи послужить родинѣ въ духѣ своихъ принциповъ, не внушили достаточной устойчивости, чтобы провести эти «принципы» въ жизнь. Ясно, что въ психологію его отношенія къ Россіи, столь горячаго въ юности, что-то замѣшалось новое, охлаждавшее прежнее увлеченіе Александра и лишавшее его энергіи для болѣе трудной работы по преобразованію Россіи, той энергіи, на которую онъ оказался способнымъ въ дѣлѣ возстановленія Польши и созданія Финляндскаго княжества. Это новое—недовѣріе къ русскому обществу, даже нерасположеніе къ нему, а чрезъ него, при большой впечатлительности Александра,—и къ Россіи... А при такомъ осложненномъ настроеніи его по отношенію къ Россіи,—гдѣ Александръ могъ найти необходимыя вдохновеніе и настойчивость для проведенія реформъ, нежелательныхъ для господствующаго сословія? Это осложненіе освободительнаго настроенія Александра обусловливалось въ весьма значительной степени вліяніемъ на его психику событія 11-го марта 1801 г.

VII.

Чтобы вполнѣ понять отношеніе къ этому событію Александра, надо принять во вниманіе отношеніе его къ своему отцу. Отцу онъ, въ извѣстномъ смыслѣ, симпатизировалъ. И симпатія эта, весьма естественная въ сынѣ, зародилась несомнѣнно еще въ то время, когда Павелъ Петровичъ былъ опальнымъ «наслѣдникомъ» и когда Екатерина, все

болѣе и болѣе проникаясь ненавистью къ своему сыну и подъ старость совершенно теряя чувство мѣры во внѣшнемъ выраженіи своего «неблаговоленія» къ Павлу, доходила до того, что поощряла другого внука Константина каррикатурно копировать отца въ присутствіи фаворита Зубова. Если одному брату это было ни почемъ, то другого, болѣе впечатлительнаго и отличавшагося душевнымъ изяществомъ, одна такая сцена могла оттолкнуть отъ «бабушки» и привязать къ отцу. Но «неблаговоленіе» Екатерины къ Павлу Петровичу пошло дальше: она рѣшила лишить его престола; это обстоятельство повлекло за собой вмѣшательство «бабушки» въ личную жизнь старшаго внука, прочимаго ею въ «наслѣдники». Не посвящая Александра ни въ какія серьезныя дѣла по управленію, яко бы по крайней молодости «внука», Екатерина однако поспѣшила его, 15-тилѣтняго мальчика, женить на 14-тилѣтней дѣвочкѣ. При этомъ для скорѣйшаго «воспитанія» въ Александрѣ мужчины было поступлено очень небережно, цинично-откровенно, вполнѣ во вкусѣ порнографическихъ нравовъ двора XVIII вѣка: «бабушка» не остановилась предъ самымъ простымъ способомъ, ведущимъ къ указанной цѣли... Подобныя впечатлѣнія ломали, портили слабый характеръ Александра [1]).

Неприглядная и тяжелая трагедія, глухо разыгрывавшаяся между сыномъ и матерью и приводившая вторую къ торопливому возложенію надеждъ на старшаго внука, несомнѣнно многое объясняетъ въ отношеніяхъ Александра

[1]) Неудивительно, что «молодой человѣкъ», какъ, шутя, называла Александра Екатерина, вскорѣ послѣ свадьбы, къ великому прискорбію воспитателя, сталъ обнаруживать вкусъ къ вину, иногда въ присутствіи юной своей супруги велъ себя «весьма непристойно», а къ ней самой подчасъ проявлялъ «нѣкоторый родъ грубости, несоотвѣтствующій нѣжности ея пола».

къ «бабушкѣ» и къ ея двору. «Внукъ» рѣшительно отдѣлилъ себя отъ этого двора и считалъ себя гатчинцемъ. Тяготѣніе къ гатчинскимъ порядкамъ и нравамъ можно объяснить, какъ естественную реакцію всему тому, что оттолкнуло Александра отъ нравовъ и порядковъ двора Екатерины. Отрицательное же отношеніе къ послѣднему усилило симпатію Александра къ отцу и его «малому двору». Отсюда вполнѣ понятно, что когда Павелъ, взявъ руки сына и гатчинскаго служаки Аракчеева, сказалъ: «Будьте друзьями!» Александръ запомнилъ это навсегда: для него это было не простой фразой, а завѣтомъ отца сыну. Патологическая суровость царствованія Павла навела ужасъ на Александра, но вполнѣ не истребила въ немъ симпатіи къ отцу. Покоренный страхомъ за свою судьбу, Александръ согласился съ замысломъ заговорщиковъ возвести его на престолъ чрезъ низложеніе Павла, но, кажется, можно признать правильнымъ свидѣтельство лица, близко знавшаго и придворныя отношенія, и Александра, свидѣтельство его друга Чарторижскаго, что молодой «наслѣдникъ», согласившись на дворцовый переворотъ, подъ условіемъ личной неприкосновенности отца [1]), искренно повѣрилъ въ возможность соблюденія этого условія. Оно не было соблюдено,—и физическая гибель Павла повлекла за собой моральную гибель Александра. Когда Александръ узналъ отъ Палена о смерти своего отца, отчаянію и горести новаго императора не было предѣловъ [2]). Разсказываютъ, что

---

[1]) Le prince Augustin Galitzin: Mélanges sur la Russie, Paris, 1863, 169 и 170.

[2]) «Il l'aborda,—разсказываетъ кн. Голицынъ,—justement quand il criait hors de lui—mêmes: «On dira que je suis un parricide; on m'avait promis de ne pas attenter à sa vie; je suis le plus malheureux des hommes!» (Цит. соч., 181).

онъ, какъ подкошенный, повалился на полъ, лишившись чувствъ. Его молодая супруга Елизавета Алексѣевна, горячая и вполнѣ сознательная противница павловскаго деспотизма, наоборотъ, держалась съ удивительнымъ самообладанiемъ [1]), была, какъ свидѣтельствуетъ Чарторижскiй, «единственною властью» во дворцѣ въ памятную ночь и, при внѣшней женственности «Психеи», силою своего характера явилась контрастомъ какъ бы женственной слабости Александра. Придя въ себя, Александръ сталъ уже не прежнимъ, радостно и довѣрчиво смотрѣвшимъ въ будущее человѣкомъ. Это былъ морально сломленный человѣкъ, у котораго судьба сразу отняла бодрость души, вѣру въ себя и оставила лишь съ сознанiемъ, что въ совершившемся и онъ виноватъ вмѣстѣ съ другими. Присущая Александру впечатлительность сыграла роль предрасполагающаго момента къ тому, чтобы событiе 11 марта *навсегда* потрясло душу Александра и жизнерадостнаго, хотя и не вполнѣ уравновѣшеннаго человѣка, превратило въ разочарованнаго меланхолика, не чуждаго иногда и мизантропическаго настроенiя. Въ первое время послѣ означеннаго событiя Александръ былъ такъ подавленъ, что можно было опасаться за его разсудокъ. «Цѣлыми часами,—разсказываетъ не разъ цитированный нами Чарторижскiй,—оставался онъ въ безмолвiи и одиночествѣ, съ блуждающимъ взоромъ, устремленнымъ въ пространство, и въ такомъ состоянiи находился въ теченiе многихъ дней, не допуская къ себѣ почти никого». Чарторижскiй въ качествѣ друга утѣшалъ Александра, призывалъ его «къ бодрости», напоминалъ о «лежащихъ на немъ обязанностяхъ», но далеко не всегда достигалъ цѣли; часто «упа-

[1]) См. изданiе велик. кн. Николая Михайловича: «Императрица Елизавета Алексѣевна», т. I, Спб., 1908 г.

докъ духа,—по сообщенію того же свидѣтеля,—былъ такъ великъ», что Александръ возражалъ Чарторижскому съ горечью:

— Нѣтъ, все, что вы говорите, для меня невозможно, я долженъ страдать, ибо ничто не въ силахъ уврачевать мои душевныя муки [1]).

Эти, искренностью вѣющія, слова, какъ нельзя лучше, вскрываютъ предъ нами опустошеніе души Александра: тамъ уже не было прежняго огня, хотя оставались прежніе «благородные принципы»; а это, въ свою очередь, объясняетъ, почему въ либеральныхъ начинаніяхъ Александра не было настоящей жизненности, почему на всѣхъ его реформахъ лежало, какъ выразился Де-Местръ, «какое-то проклятіе» [2]). У Александра вмѣсто прежней живой души осталось больное мѣсто, исключавшее возможность живого, активнаго отношенія къ незабытымъ идеямъ, особенно въ приложеніи ихъ къ той странѣ и къ тому городу, гдѣ носился обезображенный насиліемъ и предсмертнымъ страхомъ призракъ...

Такое психическое состояніе самодержца оказалось особенно опаснымъ именно для того государства, во главѣ котораго онъ стоялъ: потерявъ вѣру въ себя, Александръ извѣрился и въ управляемомъ имъ народѣ, въ Россіи, явившись полною противоположностью монарху, царствовавшему тамъ же за 100 лѣтъ предъ нимъ,—Петру Великому, который, вѣря въ себя, вѣрилъ и въ народъ, въ Россію.

---

[1]) «Русская Старина», іюль, 1906 г., 114.

[2]) «Русская Старина», октябрь, 1901 г., 40.

VIII.

Съ головокружительной быстротой пронеслись предъ Александромъ великія событія, наполнившія Европу громомъ побѣдъ и пораженій, унесшія милліоны жизней и денегъ; кончилась великая, гигантская борьба народовъ, давшая Александру міровую славу, а Россіи дефицитъ въ 530.925,351 р. (1812—1815) [1].

Александръ не воспрянулъ раньше сломленнымъ духомъ: напротивъ, «счастливый соперникъ» Наполеона, еще болѣе уставъ, все дальше и дальше уходилъ отъ тѣхъ «обязанностей», къ которымъ когда-то призывалъ юнаго императора его польскій другъ, все глубже и глубже съ годами погружался въ мистицизмъ.

Наступала пора, когда мистикъ кн. А. Н. Голицынъ,—онъ же министръ народнаго просвѣщенія или «затменія», какъ тогда шутили, — посылалъ Александру «Божественную философію» и выражалъ «пламеннѣйшее пожеланіе», «чтобы духъ святой еще въ этомъ мірѣ очистилъ» государя «и преобразилъ для истинной жизни», когда тотъ же корреспондентъ сообщалъ Александру объ извѣстной Татариновой, что «внутренній голосъ приказалъ ей уединяться» [2]). Это та пора, когда въ Академіи Художествъ предлагали въ почетные члены трехъ графовъ, Гурьева, Аракчеева и Кочубея, и когда за предложеніе вице-президентомъ Академіи Лабзинымъ, въ соотвѣтствіе этимъ кандидатамъ, императорскаго кучера Ильи въ почетные же члены Академіи, рѣшительнаго вице-президента сослали не въ столь отдаленныя мѣста, въ Симбирскую губернію, гдѣ онъ вскорѣ и погибъ. Словомъ, это была пора,

---

[1]) П. П. Мигулинъ: Русскій государственный кредитъ, 62.

[2]) Письма 1816—1818 г.г. Русск. Арх., 1905, 11 кн., стр. 366—368.

когда въ Петербургѣ насаждалъ «истинное просвѣщеніе» Руничъ, изгнавъ изъ университета лучшихъ профессоровъ, а въ Казани — Магницкій, начавъ съ того же самаго средства и съ такихъ же профессоровъ, когда подобная же участь постигла наиболѣе талантливыхъ и знающихъ профессоровъ и въ другихъ университетахъ (Харьковскомъ, Дерптскомъ, Виленскомъ) за излишнее усердіе къ наукѣ и за любовь къ свободному изслѣдованію [1]).

Александръ, извѣрившись въ Россіи, нашелъ въ ней одно относительное исключеніе — Аракчеева, опредѣленнаго въ друзья ему покойнымъ и чтимымъ отцомъ. Мартовское трагическое событіе укрѣпило эту завѣщанную дружбу къ жестокому гатчинцу, ибо оно оттѣнило его какъ *особо вѣрнаго* слугу, который могъ бы предотвратить мучившую Александра катастрофу, если бы не былъ задержанъ «главою» заговора Паленомъ у петербургской заставы. Аракчеевъ вырывалъ съ мясомъ усы у гренадеровъ, но онъ не бралъ взятокъ, отказывался отъ наградъ и не стремился къ обогащенію на казенный счетъ, хитро стараясь доказать повелителю, что онъ дѣйствительно вѣрный слуга, «безъ лести преданный». Его «безкорыстная» политика достигла цѣли, хотя и не вполнѣ. Не вѣря никому, разочарованный императоръ не имѣлъ полнаго довѣрія и къ Аракчееву, учредивъ и за нимъ шпіонство; но Александръ отличилъ этого «слугу» настолько, что рѣшился скрыться за его спиной во внутреннемъ управленіи Россіей, желая этимъ путемъ предъ лицомъ общественнаго мнѣнія (гл. обр. Европы) отдѣ-

---

[1]) Изъ Петерб. университета были удалены 4 профессора, изъ Харьковскаго 2, изъ Дерптскаго 3, изъ Виленскаго 4, въ томъ числѣ историкъ Лелевель, и изъ Казанскаго 10 профессоровъ, лекторъ нѣмецкаго яз. и преподаватель—студентъ.

лить свою репутацію либерально-великодушнаго монарха отъ имъ же самимъ продиктованной системы недовѣрія и устрашенія. Такъ для русскаго общества и народа было поставлено «пугало пострашнѣе» [1]). Наступила эпоха, которой грубый и необразованный человѣкъ, изображавшій ширму для императорскаго тщеславія, далъ свое, сдѣлавшееся «историческимъ», имя,—эпоха мистицизма и военныхъ поселеній, названная Аракчеевщиной, но созданная самодержавной мнительностью и слабодушіемъ Александра. Психологически понятно такое окрещеніе эпохи: угрюмая сутулая фигура бывшаго гатчинскаго служаки слишкомъ долго непоколебимо стояла на первомъ планѣ въ повседневной дѣятельности правительства, слишкомъ долго своимъ «гатчинскимъ» методомъ управленія и наглымъ обращеніемъ со всѣми,—отъ вельможи до простолюдина, испытывала терпѣніе высшихъ и низшихъ слоевъ народа, заслуживъ справедливую ненависть всѣхъ и каждаго въ Россіи его времени; почему эта характерная фигура и приняла, въ концѣ-концовъ, на себя всю отвѣтственность за самовластный курсъ внутренней политики Александра. Императоръ оказывался въ сторонѣ. Это не было тонко разсчитанною хитростью: здѣсь сказался не лукавый и изворотливый умъ дипломата, а просто инстинктъ самосохраненія крайне самолюбиваго, мнительнаго и слабовольнаго человѣка.

Александръ, оставивъ за собой негласное руководительство и инціативу въ направленіи внутренней политики, какъ нѣкогда Иванъ Васильевичъ Грозный, ушелъ отъ терзавшей его нервы правительственной обыденщины, отъ постояннаго общенія съ правительственными дѣлами и людьми; монархъ, названный впослѣдствіи «Благосло-

[1]) «Русская Старина», 1900 г., сентябрь.—Русская жизнь въ началѣ XIX в. Н. Ѳ. Дубровина, 463.

веннымъ», можно сказать, бѣжалъ отъ повседневной правительственной практики, отъ черной, а при самовластительской тенденціи, — и неблагодарной работы по управленію страной, бѣжалъ, преслѣдуемый страшнымъ въ этой сферѣ воспоминаніемъ.

IX.

Да и вообще, отъ всего, вызывавшаго въ Александрѣ тяжелыя ассоціаціи, онъ невольно, повинуясь первому непріятному ощущенію, почти рефлективно, какъ отъ занесеннаго удара, старался отклониться и отойти поскорѣе въ сторону. «Россія», «русскіе» не соединялись въ его представленіи съ пріятными переживаніями изъ первыхъ лѣтъ его царствованія.

— А вѣдь было время, — сказалъ Александръ Ермолову, въѣзжая въ Парижъ во главѣ своихъ войскъ, — когда у насъ, въ Петербургѣ, считали меня простачкомъ. О «русскихъ» Александръ вообще былъ очень не высокаго мнѣнія: «каждый изъ нихъ,—сказалъ онъ однажды,—или плутъ, или дуракъ» [1]).

Состоявшіе при особѣ Александра русскіе офицеры не пользовались его благоволеніемъ. Не даромъ кн. С. Волконскій настойчиво указываетъ въ своихъ запискахъ, что императоръ Александръ «крутенько» обращался съ русскими генералъ- и флигель-адъютантами и бывалъ очень любезенъ съ иностранцами [2]). Въ этомъ показаніи ничего нѣтъ неправдоподобнаго.

---

[1]) В. И. Семевскій: «Политическія и общественныя идеи декабристовъ», 78.

[2]) Записки кн. Сергѣя Григорьевича Волконскаго, 1902 г., Спб., 332.

Александръ вообще болѣе всего считался съ общественнымъ мнѣніемъ Европы, искалъ въ ней популярности и гораздо менѣе интересовался мнѣніемъ о немъ соотечественниковъ; да и интересуясь послѣднимъ, онъ искалъ въ немъ не столько восхищенія, покорявшаго его въ иностранной лести, сколько духа преданности и вѣрноподданническаго преклоненія. Въ извѣстной мѣрѣ эта двойственность въ отношеніи Александра къ Европѣ и Россіи, къ иностранцамъ и русскимъ, объясняется тѣмъ же, чѣмъ объяснялась подобная же двойственность въ настроеніи и поведеніи русскихъ «просвѣщенныхъ» дворянъ XVIII в., получавшихъ образованіе у французскихъ гувернеровъ и довершавшихъ его въ Парижѣ: такой дворянинъ обыкновенно бывалъ европейцемъ только съ европейцами же, а въ средѣ своей дворни нерушимо придерживался пріемовъ своихъ непросвѣщенныхъ предковъ.

Александръ, какъ извѣстно, получилъ иностранное воспитаніе: великое почтеніе къ Европѣ, а слѣдовательно, и боязнь, что̀ она скажетъ, явились и въ его психологіи тоже въ числѣ естественныхъ результатовъ этого воспитанія. Сообщаютъ, что когда госуд. секретарь Трощинскій вошелъ къ Александру по дѣлу о редактированіи манифеста о вступленіи на престолъ, то первое слово, которое Трощинскій услыхалъ отъ новаго императора, было: «Что̀ скажетъ Европа?» [1]). Что̀ скажетъ Россія, это Александру было повидимому безразлично. Съ высоты своего европеизма онъ смотрѣлъ на Россію, какъ чуть ли не на отвлеченную величину, интересную для него лишь въ качествѣ объекта для возвышенно-гуманныхъ преобразовательныхъ опытовъ, долженствовавшихъ

[1]) Кн. Долгоруковъ: La vérité sur la Russie, 216.

дать ему европейскую славу. Съ другой стороны, Александръ, при всемъ своемъ европеизмѣ, былъ русскій самодержецъ, хорошо знавшій пріемы обращенія съ подданными—своего отца: это обстоятельство тоже содѣйствовало совсѣмъ иному отношенію Александра къ русскимъ сравнительно съ отношеніемъ его къ иностранцамъ. Но сверхъ всего этого, сверхъ воспитанія и отцовской традиціи, крутое обращеніе, на которое указываетъ кн. С. Волконскій, можетъ быть, слѣдуетъ объяснить и тѣмъ, что видъ русскихъ, близко стоявшихъ къ императору, офицеровъ не могъ не вызывать въ немъ воспоминанія о когда-то совершенномъ подобными же офицерами «злодѣяніи» въ Михайловскомъ замкѣ [1]). Это воспоминаніе дѣлало несимпатичными Александру, разумѣется, не всѣхъ окружавшихъ его русскихъ военныхъ: были, какъ извѣстно, и исключенія, которыхъ не касалось вліяніе на Александра означеннаго мрачнаго воспоминанія, и эти исключенія были небезпричинны; но *въ общемъ* Александръ, при его впечатлительности, едва ли

[1]) Этому предположенію, мнѣ кажется, не противорѣчитъ и то обстоятельство, что бывшіе заговорщики Уваровъ и кн. П. Волконскій пользовались неизмѣннымъ благоволеніемъ Александра въ теченіе всего его царствованія. Такое приближеніе едва ли можно объяснить (какъ это дѣлаетъ кн. Долгоруковъ) тѣмъ, что Уваровъ и кн. П. Волконскій, и еще Талызинъ (вскорѣ послѣ мартовскаго переворота умершій) воспротивились осуществленію конституціонныхъ стремленій Палена и Зубовыхъ, стремленій, согласныхъ съ раньше (до переворота) даннымъ обѣщаніемъ самого Александра (La vérité sur la Russie, 214 и 215). Скорѣе исключеніе Уварова и кн. П. Волконскаго изъ общей опалы, возложенной Александромъ на дѣятелей 11-го марта, объясняется тѣмъ, что эти, взысканныя милостями монарха, лица не принимали *активнаго* участія въ трагическомъ происшествіи памятной ночи; одно же участіе въ заговорѣ съ цѣлью возведенія на престолъ Александра было недостаточно для опалы, ибо въ числѣ заговорщиковъ былъ и самъ наслѣдникъ престола.

былъ способенъ избѣгнуть вліянія *того* воспоминанія на его отношеніе къ своей военной свитѣ. Александръ по мѣрѣ возможности вообще уклонялся отъ петербургскихъ отношеній, стараясь забыться въ другомъ, — въ дѣятельности конгрессовъ, въ постоянныхъ разъѣздахъ по Европѣ и Россіи. Въ Петербургѣ онъ не любилъ оставаться долго: здѣсь особенно сильно болѣла его старая душевная рана, и онъ стремился заглушить эту, становившуюся все болѣе и болѣе жгучей, боль безпрерывными переѣздами съ мѣста на мѣсто. Такимъ образомъ Александръ большую часть своего времени во вторую половину царствованія проводилъ въ дорогѣ, стоившей государству, оставленному въ рукахъ временщика, недешево и въ прямомъ смыслѣ: состоявшій при Александрѣ и сопровождавшій его въ разъѣздахъ Михайловскій-Данилевскій въ своихъ мемуарахъ свидѣтельствуетъ, что путешествіе императора на протяженіи 12,000 в. обходилось казнѣ въ 130,000 червонцевъ [1]).

X.

Начавъ по окончаніи борьбы съ Наполеономъ поклоняться новымъ богамъ, Александръ не разбилъ и старыхъ: онъ старался забыть ихъ и... не забылъ. На-

[1]) «Русская Старина», 1898 г., январь. Въ обществѣ возникло недовольство дорого стоившими разъѣздами Александра: даже купцы въ петербургскомъ гостиномъ дворѣ разсуждали о преимуществахъ конституціонныхъ государствъ, гдѣ «государь не можетъ покидать своей страны безъ согласія народа». «Постыдно,—говорили они,—что онъ лично отправляется туда, куда другіе государи посылаютъ только своихъ посланниковъ. Онъ лишь разъѣзжаетъ и тратитъ большія деньги, разоряя этимъ страну».

сколько хорошо онъ помнилъ свои прежнія «благородные принципы» видно изъ того, что, открывая въ 1818 году автономный сеймъ въ Варшавѣ, онъ обѣщалъ даровать конституцію и Россіи. На это же указываетъ и порученіе Новосильцеву составить проектъ россійской уставной грамоты. Удивительно ли послѣ этого, что передовое офицерство, вернувшееся изъ заграничныхъ походовъ и рѣшившее, по словамъ декабриста Розена, «пересадить Францію въ Россію» (чрезъ посредство образованныхъ этимъ офицерствомъ тайныхъ обществъ, долженствовавшихъ «добыть конституціонную форму для Россіи»), было убѣждено, что оно въ своихъ стремленіяхъ идетъ навстрѣчу самому государю, что оно будетъ дѣйствовать лишь въ его «духѣ», если примется за «подготовительныя мѣры» [1]). Только впослѣдствіи, когда члены тайныхъ обществъ убѣдились, что на Александра нѣтъ надежды, въ ихъ средѣ зародилось болѣе радикальное стремленіе — къ республикѣ; но даже и послѣ такого поворота въ воззрѣніяхъ будущихъ декабристовъ въ ихъ средѣ не исчезла симпатія къ личности Александра; эта симпатія отчетливо звучитъ и въ мемуарахъ декабристовъ, считавшихъ Александра «первымъ соучастникомъ тайныхъ обществъ», «вѣнчаннымъ якобинцемъ».

Дѣйствительно, какъ личность, Александръ, изящный, красивый блондинъ, съ кроткимъ взглядомъ и «ласковымъ», чарующимъ голосомъ, былъ обаятеленъ. «Женщины, — говоритъ декабристъ Розенъ, — были безъ ума отъ его наружности и любезности...» Съ офицерствомъ Александръ конечно не былъ такъ любезенъ, какъ съ женщинами; но

---

[1]) Записки Розена, 57.

его личная строгость, на которую жаловался кн. С. Волконскій, была мягкостью и снисходительностью [1]), сравнительно съ тѣми порядками, которые господствовали въ войскѣ въ его время, когда офицерамъ кричали: «господа офицеры, займитесь службою, а не философіей: я философство терпѣть не могу, я всѣхъ философовъ въ чахотку вгоню» [2]).

Аракчеевщина вообще шутить не любила; во фронтѣ она запрещала даже дышать: «примѣтно дыханье, — кричало начальство, — видно, что они дышатъ...» [3]). Слишкомъ извѣстны ея военные ужасы, — нещадное битье, порка, прогонъ сквозь строй, — чтобы о нихъ подробно разсказывать: тогда именно создалась солдатская поговорка, что «солдатъ продалъ душу свою чорту, чтобы тотъ отслужилъ за него срокъ». Офицеры были свободны отъ тѣлесныхъ наказаній, но съ личностью ихъ начальство счи-

---

[1]) Даже кн. Долгоруковъ, произнесшій надъ Александромъ суровый приговоръ, указывающій, между прочимъ, на его злопамятность, соглашается, что Александръ «имѣлъ доброе сердце» (La vérité sur la Russie», 215), а кн. Голицинъ даетъ прямо высокую оцѣнку душевнымъ свойствамъ этого императора, «dont, — говоритъ онъ, — la patience, la philosophie, le désir de connaître la vérité, sa disposition à tout pardonner, même ce qui avait pu le choquer personnellement, étaient au dessus de tout éloge» (Mélanges, 90). Либеральный дѣятель Александрова царствованія гр. Мордвиновъ по поводу внесенія въ проектъ уголовнаго уложенія санкціи смертной казни (1813 г.), между прочимъ, указываетъ на противорѣчіе между этою мѣрою наказанія и характеромъ Александра I: «Облечь, — говоритъ Мордвиновъ въ своей запискѣ, представленной имъ въ Госуд. Совѣтъ, — кроткаго и человѣколюбиваго императора Александра въ званіе возобновителя въ Россіи смертной казни — самое благоговѣніе мое, никогда въ сердцѣ моемъ къ особѣ Его Величества неумолчное, меня не допускаетъ».

[2]) Записки барона Розена, 44.

[3]) Проф. Довнаръ-Запольскій: «Идеалы декабристовъ», 1907 г., стр. 22.

талось мало и во фронтѣ нерѣдко оскорбляло, ругая ихъ «свиньями» [1]) и т. под.

Невольно вспоминается:

«Франтики, подлыя души,
Подъ карауломъ сгною...
Слушалъ имѣющій уши,
Думушку думалъ свою...»

Лично Александръ не принималъ особенно дѣятельнаго участія въ военной муштрѣ, чѣмъ онъ до нѣкоторой степени отличается отъ своего предшественника и отъ своего преемника. У Александра бывали рѣзкія вспышки, въ родѣ извѣстной скачки съ обнаженной шпагой за мужикомъ, перебѣгавшимъ ему дорогу; но, несмотря на это, несмотря на павловскую школу, при всей его парадоманіи, Александръ все-таки былъ и остался слишкомъ «якобинцемъ» для того, чтобы превратиться въ какого-нибудь Скалозуба или уподобиться семеновскому полковому командиру Шварцу, создавшему своею сосредоточенною служебною жестокостью такъ называемую «семеновскую исторію». Вліяніе «благородныхъ принциповъ» сказалось и въ этомъ смыслѣ. Дек. Розенъ свидѣтельствуетъ о личной мягкости Александра въ его отно-

---

[1]) Записки Розена, 44. Жестокая, безпощадная дисциплина вырабатывала соотвѣтствующую психологію: начальствующіе обращались въ какихъ-то звѣрствующихъ самодуровъ, а подчиненные въ лакействующихъ Молчалиныхъ. Характерно было то, что многимъ такія душевныя состоянія казались вполнѣ естественными, нормальными, и впослѣдствіи воспитанникъ аракчеевщины, будучи начальствомъ, недоумѣвалъ, какъ это его подчиненный, малаго чина офицеръ, позванный имъ, генераломъ, на обѣдъ, осмѣлился въ его присутствіи ѣсть: «Что же, братецъ, онъ сдѣлалъ?—жаловался на безстрашнаго прапорщика генералъ.—Онъ весь обѣдъ ѣлъ». Этотъ поразившій генерала неблагонадежный поступокъ никакъ не мирился

шеніяхъ къ офицерамъ и солдатамъ, о томъ, что тѣхъ и другихъ, участвовавшихъ вмѣстѣ съ нимъ въ походахъ, онъ предъ фронтомъ называлъ «любезными товарищами» [1]). Войска свои Александръ называлъ «вѣрными», видимо, къ войсковой массѣ относясь иначе, чѣмъ къ окружавшему его привилегированному офицерству.

Вытекая изъ природныхъ свойствъ личности, указанная мягкость Александра была также проявленіемъ того гуманнаго, въ духѣ освободительныхъ идей, воспитанія, слѣды котораго, прочно запечатлѣвшіеся въ психикѣ Александра, не были стерты ни позднѣйшими разочарованіями, ни Аракчеевымъ, ни госпожей Крюденеръ, ни Татариновой съ братіей въ родѣ князя Голицына и Магницкаго. Даже ханжа и пронырливый изувѣръ архимандритъ Фотій, благодаря вліянію коего были закрыты массонскія ложи и вообще всѣ тайныя общества, не могъ вытравить изъ души Александра этихъ слѣдовъ... «Благородные принципы», независимо отъ воли Александра, продолжали жить въ немъ и, не оказывая уже активнаго вліянія на дѣла Россіи, явились пассивной психологической опорой такихъ поступковъ Александра I, которые совершенно не гармонировали ни съ иными его выходками, ни съ общимъ направленіемъ его правительства, ни съ общей организаціей русской жизни во 2-ой половинѣ

съ его личными воспоминаніями о благодѣтельномъ вліяніи на него самого аракчеевской дисциплины: когда онъ самъ въ былое время, еще въ чинѣ прапорщика гвардейской артиллеріи, былъ приглашенъ обѣдать Аракчеевымъ, то, сидя у всесильнаго временщика за обѣденнымъ столомъ, конечно оставилъ себя безъ обѣда: «я,—вспоминалъ признательный сотрапезникъ Аракчеева,—весь обѣдъ просмотрѣлъ ему въ глаза». (Записки Залѣсова, «Русская Старина», 1903 г., іюнь, стр. 531).

[1]) Записки барона Розена, 42, 60.

александровскаго царствованія. Въ это время въ Россіи открывался просторъ только для однихъ хищниковъ,—просторъ—грабить и красть: тогда, какъ охарактеризовалъ внутренніе порядки той эпохи дек. А. А. Бестужевъ, «кто былъ смѣлъ, тотъ грабилъ, а кто не смѣлъ, тотъ кралъ» [1]). Въ гражданской сферѣ въ Россіи тогда особенно процвѣтало правосудіе. «Писаря, — говоритъ современникъ,—заводили лошадей, повытчики покупали деревни, и только возвышеніе цѣны взятокъ отличало высшія мѣста, такъ что въ столицѣ подъ глазами блюстителей производился явный торгъ правосудіемъ. Хорошо еще платить,—прибавляетъ онъ,—за дѣло, а то брали, водили и ничего не дѣлали» [2]).

XI.

Идейнаго простора не было, а императоръ Александръ, всѣхъ считавшій грѣшными противъ него и потому попускавшій взяточничество, никому не довѣрявшій и потому заведшій многочисленныя тайныя полиціи (отъ вѣдѣнія коихъ въ качествѣ наблюдаемаго, какъ замѣчено выше, не ушелъ и «безъ лести преданный» Аракчеевъ) [3]),—въ то же время лично явился, такъ сказать, и

---

[1]) Записки Розена, 118.

[2]) Довнаръ-Запольскій. «Идеалы декабристовъ», 97.

[3]) Ibid., 98 и 99. «Я рѣшительно никому не вѣрю,—сказалъ Александръ де-Санглену еще въ 1812 году,—люди мерзавцы». (Семевск. Политич. и общ. идеи декабр., 78). О соглядатайствахъ того времени

идейнымъ «попустителемъ». Въ самомъ дѣлѣ, о тайномъ обществѣ заговорщиковъ противъ него и государственнаго строя было извѣстно Александру, но онъ противъ членовъ этого общества ничего рѣшительнаго не предпринялъ. Такъ, по отношенію, напр., къ одному изъ нихъ, къ князю Сергѣю Волконскому все императорское порицаніе за прикосновенность его къ тайной «политикѣ» выразилось лишь въ томъ, что, похваливъ труды князя по начальствованію надъ бригадой, Александръ сказалъ: «...Помоему, гораздо для васъ выгоднѣе будетъ продолжать оные, а не заниматься управленіемъ имперіи, въ чемъ вы, извините меня, и толку не имѣете» [1]).

Александръ обладалъ большимъ тактомъ, благодаря чему онъ считался однимъ изъ самыхъ острыхъ и тонкихъ дипломатовъ своего времени и за что его называли хитрецомъ и грекомъ [2]); но было бы ошибкой изъ этой черты его характера выводить полную неспособность быть искреннимъ, какую-то чуть ли не абсолютную скрытность и сознательную фальшивость—черты маккіа-

---

ходили анекдоты, въ одномъ изъ коихъ какъ то нечаянно промелькнула «якобинская» черточка личности Александра. Однажды Александръ на Англійской набережной встрѣтился съ мичманомъ Угла, котораго онъ лично зналъ и даже любилъ за оригинальность, и сказалъ ему нѣсколько словъ. Встрѣчу съ Угла видѣлъ изъ-за угла полицейскій чинъ, слѣдившій за императорской прогулкой. По удаленіи императора, полицейскій чиновникъ подошелъ къ мичману и спросилъ, что онъ говорилъ съ государемъ. «А вамъ на что?» — въ свою очередь, спросилъ шутливо мичманъ.—«Намъ приказано допрашивать объ этомъ и доносить по начальству», — отвѣтилъ полицейскій.—«Государь сказалъ мнѣ,—заявилъ мичманъ,—посмотри, Угла, какая скверная рожа выглядываетъ изъ-за угла этого дома». (Записки сенатора Фишера,—Историч. Вѣстн., 1908 г., февраль, 452).

[1]) Записки кн. С. Г. Волконскаго, 434.

[2]) Кн. Долгоруковъ. La vérité sur la Russie, 215.

велизма въ поведеніи и политикѣ. Какъ человѣкъ крайне впечатлительный и слабовольный, Александръ одинаково не могъ не быть иногда совершенно искреннимъ и правдивымъ, иногда замкнутымъ и непроницаемымъ. Какъ всѣ люди подобнаго типа, онъ *невольно подчинялся вліянію того или другого момента* и изъ непріятныхъ положеній старался выйти путемъ того или другого компромисса. Получивъ доносъ о политическомъ заговорѣ вмѣстѣ со спискомъ участниковъ въ немъ и выслушавъ отъ Васильчикова докладъ по этому доносу, поданному на имя государя незадолго до «семеновской исторіи», Александръ не высказалъ никакого удивленія, но, будучи взволнованъ нахлынувшими на него воспоминаніями о годахъ юности и ея свѣтлыхъ порывовъ, онъ глубоко задумался, а потомъ сказалъ: «Mon cher Wassiltschikoff! Vous qui êtes à mon service depuis le commencement de mon règne, vous savez que j'ai partagé et encouragé ces illusions et ces erreurs...» Сказавъ это, онъ опять впалъ въ глубокую и продолжительную задумчивость и, какъ бы снова переживъ всю идейную свою жизнь, вынесъ слѣдующую замѣчательную резолюцію на доложенный доносъ: «Ce n'est pas à moi à sévir, — произнесъ онъ, — не мнѣ карать!»

Въ доносахъ не было недостатка. Въ 1821 г., въ рукахъ Александра была записка ген.-адъютанта Бенкендорфа о тайныхъ обществахъ, съ перечнемъ всѣхъ главныхъ заговорщиковъ и съ точными указаніями, по которымъ можно было бы начать слѣдствіе и, какъ думалъ покойный Шильдеръ, «предупредить готовившійся взрывъ съ меньшими жертвами, чѣмъ это оказалось нужнымъ впослѣдствіи»; но Александръ ничего не предпринялъ, и записка Бенкендорфа тоже осталась безъ по-

мѣтки, какъ и доносъ, переданный государю Васильчиковымъ [1]).

Что все это значитъ, какъ не то, что Александръ, въ силу разныхъ новыхъ вліяній потерявшій вѣру въ прежніе «благородные принципы», однако оказался неспособнымъ выступить съ крутыми репрессіями противъ людей, исповѣдовавшихъ эти принципы?.. Александръ ясно понималъ, что въ этомъ случаѣ онъ некрасиво—рѣзко пошелъ бы противъ лучшихъ лѣтъ своей жизни, противъ свѣтлыхъ завѣтовъ своего учителя, котораго онъ почтилъ предъ лицомъ всей Европы на Вѣнскомъ конгрессѣ [2]), въ моментъ апогея своей европейской славы и могущества... На *такое отступничество* Александръ не рѣшился.

---

[1]) Шильдеръ. Императоръ Александръ, его жизнь и царствованіе, IV, 204. На статсъ-секретаря Н. И. Тургенева, будущаго декабриста и эмигранта, были возведены серьезныя обвиненія, что онъ крайній якобинецъ и революціонеръ, который спитъ и видитъ гильотину, но Александръ, прочитавъ объ этомъ въ доносѣ, оставилъ тѣмъ не менѣе Тургенева на его видномъ государственномъ посту (А. Корниловъ — «Николай Ивановичъ Тургеневъ», въ журн.: «Міръ Божій», іюль, 1903, стр. 133). Дибичъ во всеподданнѣйшемъ докладѣ отъ 4-го дек. 1825 г. говоритъ, что будто бы Александръ незадолго до смерти велѣлъ отправить полковника Николаева для того, чтобы онъ оказалъ содѣйствіе доносчику унтеръ-офицеру Шервуду въ дальнѣйшемъ раскрытіи заговора и арестовалъ заговорщиковъ. Но и это, если даже и повѣрить Дибичу, не было рѣшительнымъ, безапелляціоннымъ распоряженіемъ; ибо, по словамъ означеннаго доклада, императоръ приказалъ при томъ «принимать въ соображеніе совѣты и объясненія Шервуда съ должною осторожностью». (Шильдеръ, IV, 378 и 379).

[2]) Этого учителя Александръ и послѣ Вѣнскаго конгресса продолжалъ въ письмахъ увѣрять въ своей любви, переставъ ему писать лишь въ послѣдніе годы, когда сознаніе Александра уже слишкомъ затуманилось принципами Священнаго Союза, а воспитатель и другъ русскаго императора осмѣлился высказаться противъ легитимистской политики русскаго правительства по отношенію къ греческому вопросу.

Много новыхъ интригъ и нехорошихъ чувствъ кипѣло вокругъ Александра, много направлялось на него новыхъ и столь же нехорошихъ вліяній, все это новое и нехорошее—разные честолюбивые прелаты, Фотіи, Аракчеевы, Голицыны, Магницкіе съ ихъ взаимными счетами—производило на Александра необыкновенное впечатлѣніе и несомнѣнно усиливало жившее въ немъ боязливое и угнетенное состояніе духа [1]); но тѣмъ не менѣе гдѣ-то въ глубинѣ сознанія Александра таилось и нѣчто прежнее, свѣтлое...

Такимъ образомъ Александра нельзя помѣстить въ число ренегатовъ, которые обыкновенно съ ожесточеніемъ нападаютъ, набрасываются на прежнюю свою вѣру, разрушаютъ то, чему поклонялись. Въ худшемъ случаѣ, Александръ охладѣвалъ къ тѣмъ, кто слишкомъ настойчиво твердилъ ему о прежнемъ.

Вообще же можно сказать, что, извѣрившись, Александръ все-таки не пересталъ видѣть въ «благородныхъ принципахъ» идейную красоту, и они продолжали сохранять въ его глазахъ извѣстное эстетическое значеніе, небезразличное для его чуткой ко всякой красотѣ личности. Какъ эстетикъ, а не какъ политикъ, Александръ страдалъ отъ сознанія, что онъ мало сдѣлалъ для внутренняго устроенія государства: онъ обѣщалъ и не выполнилъ

---

[1]) См. также Theodor Schiemann. Geschichte Russlands unter Kaiser Nikolaus, I, 427. На вредное вліяніе тѣснаго кружка клеветниковъ и ханжей на Александра жаловался, со своей точки зрѣнія, представитель Франціи при русскомъ дворѣ: «ses détracteurs,—писалъ онъ, между прочимъ, въ 1820 г. (отъ 6 іюля),—se renferment dans le cercle étroit, mais cependant bien dangereux encore, dont le, prince Galitsine est le centre». Сборн. Импер. Русск. Истор. Общ. 127 томъ, стр. 401. 1908 г.

своихъ «великодушныхъ», а потому и прекрасныхъ обѣщаній—тутъ было некрасивое противорѣчіе.

XII.

Но не въ указанномъ противорѣчіи заключался главный трагизмъ положенія. Все заслонялось тою болью, которая производилась старою, страшною раною и которая была основною причиною психическаго упадка, причиною того «затменія», коимъ характеризуются послѣдніе годы Александра. Утомленный внѣшней борьбой и жизнью, чувствуя всѣми надломленными силами своего существа, что онъ совершенно уже не способенъ для внутренней дѣятельности, Александръ все болѣе и болѣе психически разрушался подъ бременемъ опять овладѣвшей его сознаніемъ мысли о своей виновности предъ покойнымъ отцомъ... Получалась въ общемъ такая длинная и тоскливая гамма психическаго угнетенія, что это состояніе съ теченіемъ времени становилось нестерпимымъ, и Александръ снова готовъ былъ на крайнюю мѣру, на отказъ отъ престола, на уходъ въ частную жизнь, — на этотъ разъ вѣроятно не для изученія природы, а для мистическихъ созерцаній и покаянныхъ молитвъ. Въ запискахъ великой княгини, впослѣдствіи императрицы Александры Θеодоровны, имѣется разсказъ о томъ, что въ 1819 году императоръ Александръ, обѣдая у нихъ, высказался предъ братомъ своимъ Николаемъ и невѣсткой въ томъ смыслѣ, что какъ братъ его Константинъ, никогда не заботившійся о престолѣ, окончательно рѣшилъ отъ него отказаться, такъ и онъ, не чувствуя въ себѣ прежнихъ силъ и энергіи, тоже рѣшилъ отказаться отъ «ле-

жащихъ на немъ обязанностей и удалиться отъ міра»; хотя онъ и приведетъ это рѣшеніе въ исполненіе не сейчасъ, а черезъ нѣсколько лѣтъ, можетъ быть, лѣтъ чрезъ десять [1]). А чрезъ четыре года, послѣ этой странной застольной бесѣды, Александра имѣлъ возможность наблюдать внимательный офицеръ, впослѣдствіи декабристъ Розенъ, какъ однажды въ Ораніенбаумѣ императоръ, отпустя караулъ, «долго, долго прохаживался по крышѣ дворца и часто останавливался, погруженный въ размышленія». И потомъ нерѣдко «по цѣлымъ часамъ,—показываетъ тотъ же современникъ,—стоялъ онъ у окна, глядя все на одну и ту же точку въ раздумьи». «30-го августа,—разсказываетъ Розенъ далѣе,—въ день своего ангела, онъ всегда щедро дарилъ храму Александро-Невской Лавры; въ послѣдній же годъ онъ пудами подарилъ ладанъ и свѣчи» [2]). Такъ кончалъ человѣкъ, незадолго до смерти сказавшій, что онъ жилъ и умретъ «республиканцемъ», — «коронованный Гамлетъ», какъ назвалъ его Герценъ [3]). Если и «Гамлетъ», то — морально не вынесшій самодержавной власти [4]), унаслѣдованной имъ при помощи дворцовой революціи со смертнымъ исходомъ для царствовавшаго государя; если и Гамлетъ, то съ тѣмъ еще существеннымъ отличіемъ отъ печальнаго датскаго принца, что нашему самодержавному «Гамлету», по его собственнымъ пред-

---

[1]) Шильдеръ, Александръ I, его жизнь и царствованіе, IV, 143—146.

[2]) Записки. 44, 60.

[3]) Conspiration Russe de 1825, suivie d'une lettre sur l'émancipation des paysans en Russie. Лондонъ. 1856, стр. 6.

[4]) «...Въ сущности,—сказалъ Александръ въ 1824 г.,—я не былъ бы недоволенъ сбросить съ себя это бремя короны, страшно тяготящей меня». Это было сказано послѣ того, какъ ему было передано пріятное для него извѣстіе о томъ, что весь Петербургъ «принимаетъ большое участіе въ его болѣзни».

ставленіямъ, некому было мстить, кромѣ самого себя... И ему ничего, по тѣмъ же представленіямъ, не оставалось, какъ обратиться къ религіи, къ мистической опорѣ жизни.

И Александръ сталъ усердно молиться. Молитва сопровождала его въ постоянныхъ его странствіяхъ. Не даромъ, когда онъ умеръ и когда тамъ же, гдѣ онъ умеръ, въ Таганрогѣ, былъ вскрытъ интересовавшій приближенныхъ конвертъ, «безпрестанно» находившійся при немъ, конвертъ, въ которомъ «приближенные» надѣялись найти завѣщаніе, то, къ ихъ удивленію, они нашли здѣсь бумаги съ какими-то молитвами [1]).

Въ томъ же смыслѣ свидѣтельствуетъ и другъ юности Александра Чарторижскій: «въ послѣдніе годы его царствованія,—говоритъ онъ,—та же мрачная идея (идея о томъ, что онъ своимъ согласіемъ на переворотъ способствовалъ смерти отца) снова завладѣла имъ, вызвала отвращеніе къ жизни и повергла въ мистицизмъ, близкій къ ханжеству» [2]). Эта мысль мучила его всю жизнь, отравляя ему лучшія минуты, минуты успѣха и радости, и, какъ неизлечимая хроническая болѣзнь, медленно, но вѣрно, вела въ связи съ другими неблагопріятными условіями его личной жизни къ психическому оскудѣнію [3]).

---

[1]) Шильдеръ. Александръ I, его жизнь и царствованіе, IV, 389.

[2]) «Русская Старина», 1906 г. іюль, 115.

[3]) Не сразу однако Александръ сдѣлался тѣмъ, чѣмъ онъ сталъ въ самые послѣдніе годы своего царствованія. Дѣло началось съ душеспасительныхъ бесѣдъ, возношеній «горѣ» и такихъ ограниченій себя въ пользованіи наслажденіями, какъ отказъ отъ связи съ Нарышкиной. Такое самоограниченіе приводило въ восторгъ первую мистическую пестунью Александра, г-жу Крюденеръ; и она высокопарно восхваляла своего царственнаго поклонника предъ своими гостями, ставя ему въ особую заслугу то обстоятельство, что Александръ отказался отъ *16-тилѣтней* связи. Разсказываютъ, что одинъ изъ слушателей, по поводу этого обстоятельства, съ воздыха-

Такъ одно изъ двухъ основныхъ вліяній, которыми главнымъ образомъ опредѣлялась вся, въ силу ихъ раздвоявшаяся, дѣятельность Александра, подъ конецъ взяло верхъ то, въ которомъ чувствовался голосъ крови и которое больше согласовалось и съ русскими традиціями, со всѣмъ строемъ и «духомъ» русской жизни.

Усталость отъ обильной необычайными, поразительными впечатлѣніями, жизни, полное разочарованіе въ своихъ силахъ и юношескихъ мечтаніяхъ, превратившихся въ сознаніи Александра въ заблужденія, и упомянутая мрачная идея,—этого болѣе чѣмъ достаточно, чтобы отъ собесѣдованій и чудодѣйственныхъ молитвъ съ Крюденеръ, отъ «Божественной философіи», долженствовавшей вознести мысль въ высшія, безплотныя сферы «умнаго дѣланія» и религіознаго экстаза, окончательно перейти къ Фотію, ладану и свѣчамъ... И немудрено послѣ этого, что Александръ закончилъ свои «дѣла» въ Петербургѣ посѣщеніемъ схимника, отправляясь въ свое послѣднее путешествіе—въ Таганрогъ.

Справедливо указываютъ на потрясеніе, которое испыталъ Александръ во время наводненія въ Петербургѣ въ 1824 году. Дѣйствительно, то былъ тяжелый ударъ: онъ вѣроятно обострилъ меланхолію Александра и вызвалъ у него новое мистическое толкованіе; но несомнѣнно, и безъ этого бѣдствія ничего не измѣнилось бы въ настроеніи духовно погибавшаго императора и давній психическій процессъ роковымъ образомъ развивался бы въ немъ въ

ніемъ произнесъ: «Увы, иногда легче отказаться отъ 16-тилѣтней связи, чѣмъ отъ 16-тидневной». Эта философская сентенція всѣхъ развеселила, и первая хохотала великосвѣтская пророчица, въ данномъ случаѣ, видимо, уже не руководствуясь тѣмъ «голосомъ», который внушалъ ей «вдохновенныя» мистическія рѣчи.

прежнемъ направленіи. Современники знали, что «тайный червь меланхоліи точилъ сердце» Александра, знали, что это сердце къ тому же было чувствительное сердце но не всѣ понимали, чѣмъ особенно хорошо питался этотъ «червь», полагая, что пищу меланхоліи, сомнѣнію въ самомъ себѣ, давало горькое сознаніе того, «что въ продолженіе 24-хъ лѣтъ царствованія своего не выполнилъ своихъ предначертаній въ пользу своего народа» [1]. Человѣкъ, лучше знавшій Александра, правильнѣе указалъ на главный источникъ его меланхоліи, заключавшійся именно въ убѣжденіи, что онъ косвенный виновникъ мартовской катастрофы; сознаніе своей вины поразило чувствительное сердце Александра и отбило въ этомъ «самодержцѣ» вкусъ къ Россіи, желаніе что-либо сдѣлать для нея; но великодушные, «благородные» принципы юности остались гдѣ-то тамъ, въ глубинѣ души, какъ далекое и прекрасное воспоминаніе, и когда, по прошествіи безплодныхъ (съ точки зрѣнія этихъ «принциповъ») для русскаго народа 24-хъ лѣтъ царствованія, Александръ вспомнилъ свои неясные ему самому, но изливавшіе сіяніе гуманности и свободы, первоначальные планы государственнаго творчества на пользу Россіи, то, разумѣется, его самолюбіе должно было сильно страдать еще и отъ сознанія своего безсилія, слабости воли. Это самолюбивое страданіе несомнѣнно усиливало «меланхолію», но не оно ее создало, оно само было ея созданіемъ, а «червь» этой «меланхоліи» былъ порожденъ убѣжденіемъ Александра въ своемъ великомъ грѣхѣ, убѣжденіемъ, погубившимъ для Россіи талантливую, мягкую и исполненную въ ранней молодости самыхъ наилучшихъ желаній личность этого

[1]) Записки Розена, 60.

императора [1]). Печальныя условія, среди которыхъ Александръ получилъ верховную власть надъ страной, извѣстной ему только по имени—«Россія», вѣчное терзаніе совѣсти, а также невольный страхъ и за свою жизнь, послѣ внушительныхъ катастрофъ съ отцомъ и дѣдомъ,—надломили хрупкую психическую организацію «Благословеннаго» и довели его до столь смутнаго и невыносимо безпокойнаго состоянія, что смерть явилась для него желаннымъ освобожденіемъ отъ тяжкихъ мученій. Александръ, утверждавшій въ юности, «что наслѣдственная монархія—установленіе несправедливое и нелѣпое, что верховную власть должна даровать не случайность рожденія, а голосованіе народа», своей, полной трогательнаго драматизма, судьбой косвенно какъ бы подтвердилъ справедливость этого положенія даже для себя, человѣка способнаго, начавшаго царствовать съ самыми наилучшими намѣреніями, но слабовольнаго, неустойчиваго и потому кончившаго полнымъ разочарованіемъ и мрачнымъ отчаяніемъ: онъ, наслѣдственный монархъ, по его безпристрастному мнѣнію, оказался непригоднымъ для такой отвѣтственной роли. Пораженный, вслѣдствіе навалившихся на него противорѣчій и терзаній, меланхоліей, — ослабленіемъ и даже разложеніемъ духовныхъ силъ, Александръ явился моральной жертвой русской исторіи XVIII вѣка, точнѣе,—исторіи русскаго престола, фактически очутившагося въ зависимости отъ воли гвардіи, привилегированнаго петербург-

[1]) Мнѣніе о высокихъ стремленіяхъ Александра было очень распространенно у современниковъ и ближайшаго поколѣнія. Напр., въ книжкѣ эмигранта Головина, въ другихъ отношеніяхъ не заслуживающей серьезнаго вниманія (La Russie sous Nikolas I. Paris и Leipzig, 1845), встрѣчаемъ утвержденіе, что Александръ унесъ въ могилу «des plans généreux», стр. 30.

скаго офицерства и тѣхъ или другихъ лицъ, умѣвшихъ пользоваться вооруженною силою; а зависимость эта, понятно, была однимъ изъ видныхъ результатовъ образовавшагося рѣзкаго культурнаго разрыва между европеизированными дворянскими верхами общества и народными массами.

Заключеніе

Однако, несмотря на значительное разстояніе, въ какомъ стоялъ Александръ отъ народныхъ массъ, народъ заинтересовался этимъ царемъ и подумалъ объ его судьбѣ. Русскій народъ своею чуткою совѣстью понялъ душевное состояніе «Благословеннаго», какъ состояніе человѣка кающагося. Народъ не повѣрилъ въ таганрогскую кончину Александра.

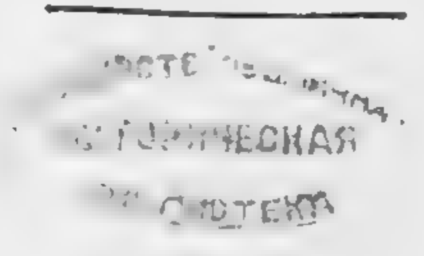
Неожиданныя, въ исключительной обстановкѣ, кончины государей и сенсаціонныя событія, таковымъ кончинамъ предшествовавшія или за ними слѣдовавшія, всегда возбуждали народное воображеніе, создававшее обыкновенно въ подобныхъ случаяхъ, подъ давленіемъ разныхъ туманныхъ слуховъ, ту или другую легенду. Такъ было и теперь. Явилась легенда, что Александръ умеръ не въ Таганрогѣ, а много позднѣе въ Сибири, куда онъ скрылся, отказавшись отъ престола. Не входя въ разборъ этой легенды [1]), легко замѣтить, что она имѣетъ извѣстный пси-

[1]) См. статью велик. кн. Николая Михайловича: «Die Legende vom Tode Kaiser Alexanders I, in Sibirien in der Gestalt des Einsiedlers Feodor Kusmitsch (Beiträge zur russischen Geschichte Theodor Schiemann. Berl n. 1907).

хологическій смыслъ. Въ ней неспроста Александръ помѣщенъ въ Сибири въ качествѣ отшельника, ушедшаго отъ «міра».

Въ этой фантастической фабулѣ, какъ будто-бы навѣянной излюбленными «житіями» и вполнѣ гармонирующей съ традиціоннымъ міровоззрѣніемъ и настроеніемъ народа, мы чувствуемъ, слышится и самый подразумѣваемый мотивъ такого удаленія изъ міра: ушелъ, дабы замолить свой грѣхъ и умереть праведникомъ...

Въ юности и подъ конецъ жизни Александръ мечталъ отказаться отъ тяготившаго его престола, но не сдѣлалъ этого, практически такъ и не рѣшилъ своего краеугольнаго вопроса: быть или не быть ему царемъ? Этотъ своего рода «гамлетовскій» вопросъ Александра, уже послѣ смерти его, разрѣшило народное сознаніе: не быть царемъ, а скрываться въ уединеніи и въ немъ найти тотъ душевный покой, котораго во время царствованія былъ лишенъ этотъ, по выраженію поэта, «сфинксъ, неразгаданный до гроба». Александра разгадалъ русскій народъ: созданной имъ легендой онъ говоритъ намъ, что этотъ «бѣлый царь», при всей внѣшней славѣ, которую онъ пріобрѣлъ въ борьбѣ съ великимъ своимъ противникомъ, былъ просто-напросто глубоко несчастный человѣкъ, благожелательный неудачникъ на тронѣ...

Типографія Т-ва М. О. Вольфъ. Спб., Вас. Остр., 16 л., д. № 5—7.

